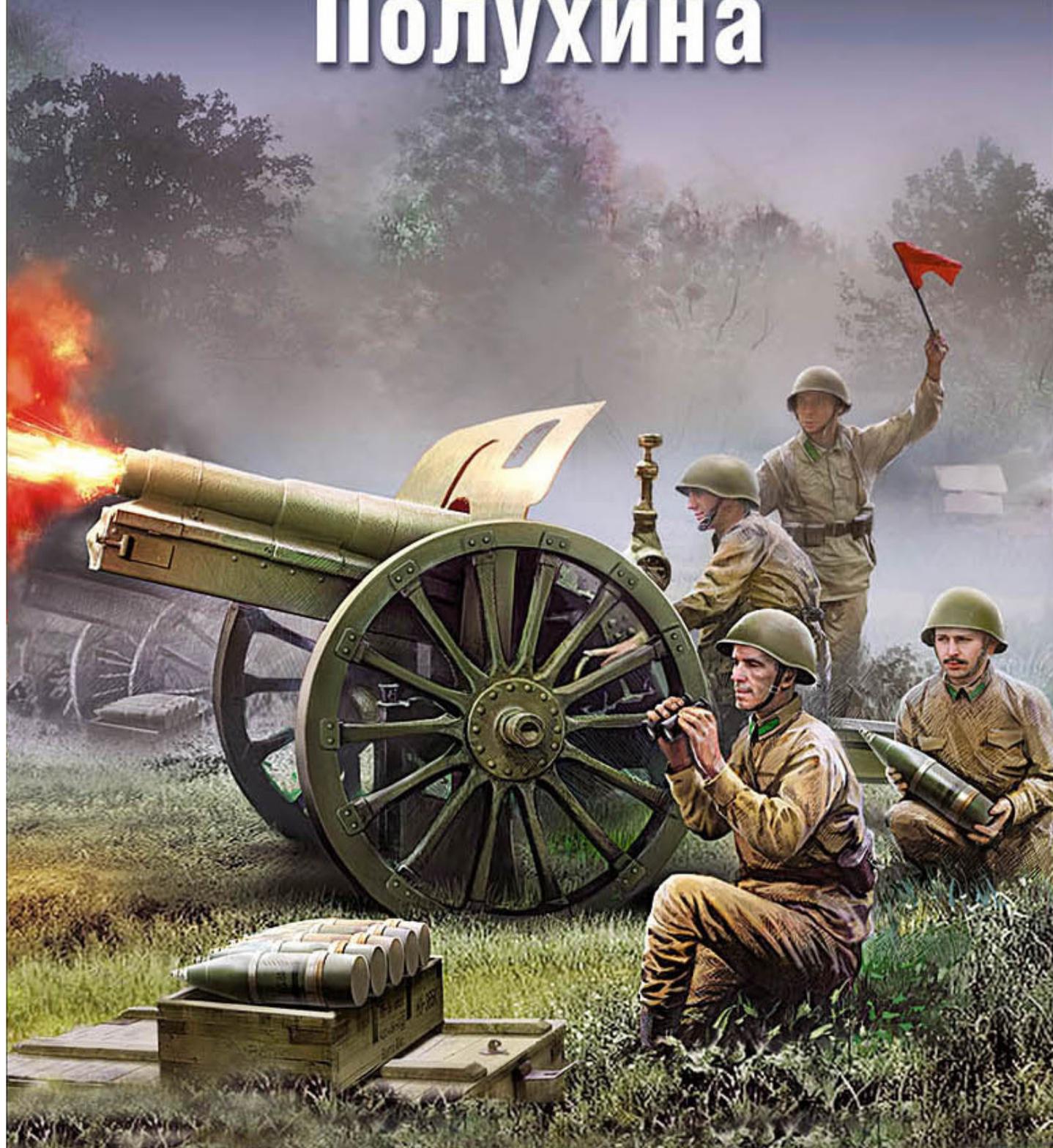

★ Анатолий СОРОКИН ★

ТРИ «КОТЛА» красноармейца Полухина

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Анатолий Сорокин

**Три «котла»
красноармейца Полухина**

«Яуза»

2019

УДК 94
ББК 63.3(0)

Сорокин А. В.

Три «котла» красноармейца Полухина / А. В. Сорокин — «Яуза»,
2019 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-6040919-7-5

Закончив артиллерийскую школу и став студентом ленинградского «Военмеха», Саша Полухин даже и предположить не мог, что полученные там теоретические знания пригодятся ему на практике. В первом же бою осенью 1941 года его подразделение было разгромлено превосходящими силами гитлеровцев, а сам Саша уцелел только чудом. Что делать молодому красноармейцу, если остался один на обочине дороги, по которой к родному городу прет стальной каток немецких моторизованных частей? Отойти в сторонку, спасти свою жизнь? Или возглавить горстку выживших бойцов, сформировать из них расчет для старой полковой пушки и дать бой наглым захватчикам?

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-6040919-7-5

© Сорокин А. В., 2019
© Яуза, 2019

Они сражались за Родину!

Анатолий Сорокин

Три «котла» красноармейца Полухина

За какие-то два часа всё было кончено. А ещё утром ничто не предвещало случившегося сентябрьским днём 1941 года фактического уничтожения N-ского стрелкового полка немцами на дальних подступах к Ленинграду В соответствии с приказом вышестоящего командования часть выдвигалась на передовую под Красногвардейском, когда где-то высоко в небе и чуть в стороне обозначилась «рама» – нацистский двухбалочный самолёт для воздушной разведки и корректировки артиллерийского огня. А в десять часов началось – прямо в походных порядках полка без какого-либо предупреждения стали рваться вражеские снаряды. За громовыми раскатами разрывов, бешеным ржанием покалеченных и умирающих лошадей, криками и стонами раненых скрылась приглушённая лесом канонада. Фашист своё дело знал: выдвинул батарею близко к линии фронта и открыл огонь так, чтобы снаряд оставался неслышимым для советских солдат и опередил звуковую волну от выстрела, отправившего его в полёт. Но внезапный артиллерийский обстрел стал только прелюдией катастрофы местного масштаба. Вслед за ним с воздуха навалились пикировщики, точно укладывая свои бомбы в цель и с низкой высоты поливая из пулемётов разбегающихся людей и отдельные уцелевшие гужевые повозки и автомашины. Довершил картину прорыв немецких сухопутных войск – спустя полтора часа после начала этого локального апокалипсиса среди дыма от горевшей техники и растительности появились угловатые силуэты вражеских танков и бронетранспортёров. Их экипажи действовали слаженно и деловито, вместе со спешившейся пехотой добывая последние очаги сопротивления. Путь для дальнейшего продвижения на Ленинград был открыт. В свои последние минуты бойцы и командиры полка только и видели пыль из-под гусениц или колёс многочисленных боевых и транспортных машин противника, прежде чем хлёткая очередь, танковый трак, удар штыком, лопатой для самоокапывания или просто сапогом стали концом их жизни. К трём часам дня на месте избиения вновь воцарилась тишина, прерываемая лишь потрескиванием догоравших грузовиков да щебетанием успокоившихся птиц. Гитлеровцы ушли вперёд, оставив после себя только смрад мертвечины и запах жжёного железа.

Посреди этого побоища стоял одинокий заплаканный красноармеец. Это только в пропагандистских книгах и фильмах все бойцы мужественно переносят все выпавшие на их долю испытания, стиснув зубы и сражаясь, несмотря ни на что. Без сомнения, такие герои существуют, и их число не так уж и мало – в лихое время жизнь слабого духом не стоит даже осколком от разорвавшегося снаряда. Но чтобы так себя вёл призванный два месяца назад девятнадцатилетний парень – это уже что-то из разряда совсем невероятного. Поэтому не было ничего удивительного, что он чуть ли не ревел в полный голос: именно таким образом и состоялось его крещение огнём. После получения повестки студент ленинградского Военмеха Саша Полухин был направлен в учебку, а спустя день после присяги – прямо в маршевый батальон для пополнения изрядно поредевшего в боях N-ского стрелкового полка. Зачем чему-то учить выпускника с отличием артиллерийской школы – именно так решил командир учебной части на пару с представителем полка. В последнем как раз был некомплект личного состава в батарее полковухек, знающий хотя бы основы артиллерийского дела человек был нужен прямо сейчас. Командир батареи временно определил бывшего студента на должность писаря и рассчитывал

использовать его как помощника при подготовке огневых данных, топографической съёмке местности и тому подобных вещах. Но в новом коллективе Саша пробыл всего два дня, лишь поверхностно познакомившись с будущими сослуживцами.

В момент разгрома полка он находился в гужевой повозке, на которой перевозились документы и имущество как его батареи, так и других подразделений. Задание у него было крайне ответственное – проследить, чтобы всё это прибыло на место назначения в целостности и сохранности. Но получилось ровно наоборот – папки с бумагами, мешки и походные укупорки спасли жизнь призванному их охранять красноармейцу Полухину. Повозка уныло плелась в самом хвосте походной колонны, когда один из немецких снарядов разорвался прямо перед ней. И впряжённая в неё лошадь, и возница погибли на месте, а взрывная ударная волна сорвала весь груз вместе с сидевшим сзади Сашей и сбросила их в кювет. Набитые чем-то плотным и по счастью негорючим мешки приняли на себя осколки и завалили бывшего студента полностью, так что вражеские танкисты и пехотинцы за этой теперь уже бесполезной грудой барахла его и не заметили. Контузия была лёгкой и без последствий, так что, очнувшись, Саша увидел себя в одиночестве и несколько в стороне от жуткой картины смерти на дороге. Гитлеровцев не было видно, и он решил поискать других уцелевших бойцов. Бесполезно – если кто и выжил, то давно скрылся в прилегающем к дороге лесу. Вокруг были только мёртвые советские солдаты с мёртвыми же лошадьми да разбитые автомашины. Некоторые из погибших были жестоко и с каким-то извращённым рвением добиты немецкой пехотой. От такого красноармейцу Полухину стало настолько страшно, что он и мог только заливаться слезами и громко реветь: «Мама!» В таком состоянии противник мог бы взять его голыми руками, но никто не может предугадать grimас фортуны – ни один вражеский солдат за то время, пока бывший студент приходил в себя, так и не появился.

Когда же шок прошёл, Саша ощутил подкатившую к горлу злость – фрицам такое прощать нельзя! А один в поле не воин, значит, надо пробираться к своим и, ясное дело, не по дороге. Значит, придётся идти лесом, возможно, много дней, а для такого следует хорошо подготовиться. Оцепенелый взгляд сменился осмысленным: надо было найти подходящее оружие, съестные припасы и походное снаряжение. Ничего из перечисленного у него не было. По должности писаря, причём ещё не утверждённой, винтовка ему не полагалась, а питание на марше обеспечивалось полевой кухней, ныне превращённой в хлам гусеницами вражеского танка. В стрелковом вооружении выпускник артиллерийской школы разбирался хорошо, да и логика у него была в полном порядке. Вокруг валялось много винтовок, как старых «мосинок», так и новых «светок». Но попробуйте походить с ними, особенно со штыком, в плотном подлеске, кустарнике или под молодыми деревьями с низкой кроной. Опять же, для боя с одиночным патрулем в лесу не нужна высокая дальность боя оружия, зато скорострельность будет очень даже в цене. Поэтому внимание Саши сосредоточилось на поиске пистолет-пулемёта. Пришлось с жутким чувством осматривать многих погибших бойцов, прежде чем усилия увенчались успехом. В руках красноармейца Полухина очутился ППД, а в подсумке на его ремне – три запасных магазина. Ещё сколько-то патронов к этому оружию были положены в походный вещмешок. Подумав, он добавил к ним пистолет Токарева, взятый у незнакомого павшего лейтенанта. Но, вспомнив про возможные осечки этого оружия, Саша укомплектовался ещё и револьвером системы Нагана с запасом патронов к нему.

Обвешанный подсумками и двумя кобурами с оружием поясной солдатский ремень был ощутимо тяжёл, но на него добавились нож разведчика, лопата для самоокапывания и целых три фляги с кипячёной водой – без этого никак. В вещмешке за спиной, помимо патронов, разместился запас спичек, сухарей и шоколадок – их удалось найти в одной из разбитых повозок. Но ничем кончились поиски компаса и карты – у погибших командиров их либо не было, либо они оказались испорченными. Оставалось надеяться на «Командирские» часы вместе со знанием звёздного неба – в школе их как-то учили ориентироваться с их помощью на местно-

сти. Закончив своё вооружение и экипировку, красноармеец Полухин отряхнулся, поправил пилотку, проверил свои документы и только было собрался направиться прямо в лес, как из кустов сзади него раздалось: «Товарищ командир!»

Быстро повернуться и изготовить ППД к бою Саше не удалось – ноша была тяжела, да и у него просто неоткуда было взяться умению так поступать. Но этого и не требовалось – из кустов выглядывали два белобрысых лица в красноармейских пилотках, моложе его самого. Оказалось, что всё-таки единственным уцелевшим он не был. Братьям-двойняшкам Самойловым из далёкой уральской деревни также посчастливилось выжить. Старший (всего на полчаса) Родион и младший Илья были потрясены случившимся ещё больше, чем Саша. О войне они не имели никакого представления, а их дядя, в своё время бывший в германском плену до революции, много хорошего рассказывал о жизни немцев. Идти на фронт братья не хотели, причём были явно под впечатлением от рассказов своего родственника о превосходстве Германии во всех сферах. Зачем с такими людьми воевать-то? А сейчас эта наивная вера разлетелась вдребезги, тем паче они своими глазами четыре часа назад видели, как немецкий офицер застрелил из пистолета поднявшего руки вверх советского солдата. Просто так, ни за что, поскольку на пленных надо было тратить драгоценное время, за которое можно было ещё продвинуться вперёд, захватить пару-тройку важных пунктов и, кто знает, даже удостоиться в итоге рыцарского железного креста. Это живо отбило у братьев желание сдаться противнику. Затаившись в придорожном подлеске, Родион с Ильёй совершенно не знали, что делать и куда идти. Увидев Сашу, готовящегося к походу, они долго наблюдали за ним, прежде чем окликнуть.

– А ну давайте сюда! – после «вокальных упражнений» над телами погибших голос красноармейца Полухина охрип и сильно сдал в громкости. Обстановка для знакомства была сюрреалистична до крайности, ознаменовавшись ещё и тем, что Илью стошнило, когда он увидел на дороге растерзанного нацистским зверьём капитана: «Вот нелюди!» Старший, как мог, крепился от позывов к рвоте. Выяснилось, что братья Самойловы были колхозниками – Родион работал на конюшне, а Илья, любимчик матери-вдовы и её сожителя-председателя, до сих пор не освоил никакой специальности, а потому в свои восемнадцать лет если что и мог делать, так плясать в самодеятельности и играть на гармонии. Оный музыкальный инструмент и сейчас выглядывал из-за его спины. В аду разгрома полка оба брата бросили свои винтовки и плащ-палатки – прятаться с ними действительно было неудобно, но зато младший спас свою гармонию. С ней он явно не собирался добровольно расставаться ни при каких обстоятельствах. Поэтому сидор с сухарями, фляги с водой, две винтовки и патроны к ним оказались у Родиона, когда вся троица двинулась в далёкий путь до своих. Второго ППД найти не удалось. Только грозным командным окриком Илью удалось заставить взять самые важные документы нескольких убитых командиров – Саша понимал, что даже с подлинными красноармейскими книжками без подтверждений судьбы их полка дело даже в случае успешного выхода к своим может обернуться не лучшим образом.

Под тяжестью ноши все, кроме Ильи, быстро поняли, что они переоценили свои скоростные возможности перемещения по лесу. За время до заката Саша по числу шагов в единицу времени определил, что они прошли не больше трёх километров. Кроме того, он правильно подозревал, что в отсутствие компаса и ориентируясь только по солнцу, группа шла не по прямой, а по дуге круга, причём неизвестной кривизны. Когда оранжевые закатные лучи ещё пробивались сквозь деревья, все резко застыли, услышав лошадиное ржание неподалёку. Родион сразу же приободрился:

- Кони-то нас учуяли, вот и зовут!
- Кони?
- Не меньше двух, точно!
- Тогда вперёд!

Превозмогая страшную усталость, бойцы добрались до небольшой поляны посреди леса, где к великому удивлению Саши бродила четвёрка лошадей, впряжённая в передок с трёхдюймовой полковой пушкой. Видимо, при обстреле и налёте убило ездовых, а остальные номера расчёта спешились, и напуганные взрывами неуправляемые лошади увезли орудие в лес. А может быть, упряжку туда направил кто-то из артиллеристов, но потом то ли погиб, то ли бросил её по какой-то более важной надобности. Пока окончательно не стемнело, Илью отрядили поискать возможных товарищей со строгой инструкцией максимально таиться и «не отсвечивать», а красноармейцы Полухин и Самойлов-старший занялись оприходованием неожиданной находки.

Родион выпряг и покормил лошадей, благо на упряжке был запас фуража. На предложение отцепить и оставить в лесу пушку Саша ответил категорическим отказом, ибо, как учил его один из преподавателей в школе, старый солдат императорской и Красной армий, пока есть боеприпасы, ты обязан быть с орудием. А если ты настоящий артиллерист – то и после. А в передке в лотках поблёскивали гильзы унитарных патронов. Детальный осмотр пушки решили отложить до следующего утра, сейчас надо было заняться подготовкой к ночёвке. В этом сильно помог топор и большие лопаты с передка – ибо ножом и лопатой пехотинца с коротким черенком трудно нарубить хвороста и вырыть яму для костра. Тут Саша вспомнил подобного рода навыки вожатого в пионерском лагере. Получилось не так быстро, но вполне успешно. К тому же и Родион помог: раз работаешь конюхом, значит, ходишь в ночное. Вернувшийся и не нашедший никого Илья так и порывался сыграть что-то на своей гармонии, но остальные у него попросту отобрали инструмент – кто знает, как далеко немцы? Закусили размоченными в воде сухарями и небольшой порцией шоколадки. Думали, оставить ли на ночь караульного, но из всех только Самойлов-младший имел на это силы, однако толку от него в этом качестве было немного. Его поход в разведку наглядно показал, что лучше не осматривать местность вовсе, чем поручать такую задачу именно ему. Пришлось положиться на удачу и спать втроем на нарубленных мягких ветках с листьями. Орудие, передок и лошадей спрятали под развесистой кроной дуба рядом с опушкой.

Предосторожность оказалась не лишней. Вскоре после рассвета всех троих разбудил гул авиационных моторов. Низко над опушкой прошли три двухмоторных бомбардировщика с крестами на плоскостях. Саша решил не двигаться в этот день – с упряжкой можно было взять с собой куда больше нужных вещей, надо было провести подготовку к походу и проверить орудие. Незадолго до принятия присяги в тренировочном лагере он, вместе с другими призывниками, практиковался в обращении с учебной пушкой. Правда, она была не полковой, а дивизионной, но лафет и у той, и у другой устроен похожим образом, так что трудностей с этим не возникло. Бывший студент показал братьям, как снимать орудие с передка и брать его на передок, готовить его к бою и походу. У такого расчёта из одного поверхностно знакомого с системой человека и двух совершенно «не в теме» людей всё получалось через пень-колоду, без той слаженной и гладкой работы, которой славилась отечественная артиллерия во все времена. Но спустя три часа красноармеец Полухин решил, что в этом плане положение дел является более-менее удовлетворительным. Поэтому он сам себе присвоил должности командира орудия и наводчика, Родион Самойлов стал замковым и ездовым, а Илья – снарядным и заряжающим. Последнее было не без риска: безответственность танцора и гармониста внушала нешуточные опасения, но выбора у Саши не было.

Что же касается снарядов, то все шесть лотков передка были полностью укомплектованы боеприпасами. В четырёх из них лежали патроны с осколочно-фугасными гранатами, общим числом шестнадцать штук, а в двух оставшихся – восемь пулевых шрапнелей. Гильзы и снаряды были очищены от смазки и тускло поблёскивали в солнечных лучах. Вопреки ожиданиям, Илья быстро освоил свинчивание колпачков на взрывателях и установку колец на дистанционных трубках. В порядке были и панорама, и почти чистый формуляр пушки, и

таблицы стрельбы с руководством службы. Рядом с последними нашлись несколько чистых листов бумаги, пенал с ластиком и тремя остро заточенными карандашами, а также коробка с мелками. Саша понял, что предыдущий командир орудия своё дело знал: бумага, ластик и карандаши были нужны для составления схем ориентиров и расчётов, а мелками он делал временные пометки на щитовом прикрытии. Он мысленно поблагодарил его за это, с грустью подумав, что этого бойца, скорее всего, уже нет в живых. Открыв формуляр пушки, его преемник вдруг обнаружил в нём сложенный треугольником листок бумаги и фотографии почтенной пожилой пары и красивой молодой женщины с кокетливой причёской а-ля Любовь Орлова. Развернув «конверт», он вслух прочёл: «Тому кто читает эти строки, – значит, я убит. Передайте моим любимым маме Анне Михайловне, отцу Петру Ивановичу и жене Ирочке, что их Антоша больше не придёт. Фрицев на Лужском рубеже мы положили немало, жаль, что не всех. Товарищ! Возьми мою пушку и закончи это дело! Сержант Смирнов». Далее шёл почтовый адрес в Москве. Все трое молча стащили пилотки со своих голов. Саша положил прощальное послание и снимки к своим документам в гимнастёрку, к письмам от своей девушки Кати и её фотографии. На глаза вновь навернулись слёзы, на чистом листе бумаги бойцы написали свои имена, адреса родных, добавили к ним данные Антона Смирнова и положили этот документ в формуляр.

Вторая половина дня ушла на подготовку к походу. Родион с Ильёй занялись заготовкой свежей травы для корма лошадей: кто знает, хватит ли запасённого предыдущим расчётом фуража. Много времени ушло на поиск воды, но спустя часы поисков нашёлся лесной ручеек, куда на водопой сводили коней, а на передке весьма кстати оказались котелок и большая чистая герметически закрывающаяся жестянка с питьевой водой. После кипячения в котелке на костре запасы последней были пополнены по максимуму.

Время от времени над лесом пролетали немецкие самолёты, и Илья старался определить их курс – наверняка они бомбили советские войска и летали туда-обратно по прямой. Только в отсутствие карты толку от этого было немного. В лесу можно плутать долго, а выдерживать направление труднее всего, и неизвестно, на кого или на что можно наткнуться. Возвращаться в окрестности дороги – верный путь встретиться с врагом. Пришлось изрядно напрячься, вспоминая, какие населённые пункты они проезжали по пути к месту гибели полка, а также что говорил покойный командир батареи насчёт их местоположения. Решение создавшейся проблемы виделось двояким – либо попытаться вернуться на место разгрома и поискать карту, либо найти проводника из местных. Правда, выход к населённому пункту был чреват тем же свиданием с оккупантами или их пособниками. И не факт, что крестьяне их встретят радостно: в полку говорили и о предателях, и о сильно разозлённых отступлением Красной армии честных советских людях. Родион вызвался верхом, даже без седла, съездить на разведку к месту вчерашнего боя, благо свои следы выводили к нему без особого труда. Ближе к закату он вернулся с неутешительными известиями – там всюю хозяйничал противник.

Альтернатива осталась одна – искать помощи у селян. Для начала требовалось этих самых селян найти. На опушке леса нашлась старая высокая разлапистая ель, на которую можно было залезть, хотя и с трудом. Дождавшись наступления темноты, Саша полез на её верхушку. Хорошо, что в комплекте запасных частей, инвентаря и принадлежностей к пушке нашёлся штатный карманный электрический фонарик, иначе с этой задачей было не справиться – мелкие ветки с иголками так и лезли в глаза. Потребовалось много времени, чтобы без какого-либо опыта в «древолозании» расположиться на качающейся вершине ели. Ночной вид на лесистую среднерусскую местность под лунным и звёздным светом был просто красив. Небо опоясывал Млечный путь, яркая Вега всё ещё сияла достаточно высоко над горизонтом. Бывший студент с удовольствием любовался созвездиями в мирное время, но теперь его астрономические знания служили только прикладным целям. По ковшу Большой Медведицы и Полярной звезде Саша определил географический север и дирекционный угол на чётко про-

смаатривающиеся с верхушки ели огни небольшой деревни. Запоминать ориентиры было бессмысленно – с земли, да ещё и в лесу их просто не будет видно. Но днём по часам и солнцу можно будет выдерживать нужный курс с приемлемой точностью. Ещё сколько-то минут ушло на спуск с дерева, после чего бывший студент улёгся спать. Илья явно перевоспитывался на ходу – вызвался подежурить до рассвета. Родиону и Саше нужно было хорошо отдохнуть перед завтрашним днём, а он с утра мог и вздремнуть на передке.

Больше всего красноармеец Полухин опасался, что небо затянет облаками, но ясное утро развеяло его страхи на этот счёт. Пушка была взята на передок и подготовлена к движению, лошади запряжены, следы пребывания по возможности скрыты. Как только солнце поднялось на достаточную высоту, Саша сориентировал на него часовую стрелку, определил приблизительно направление на север и по циферблату отсчитал нужный угол. Проверив ещё раз свои топографические построения, он скомандовал: «Пошли!» – и Родион осторожно повёл упряжку вперёд. Шли долго, каждый час корректируя свой курс и обходя чащобы, отчего средняя скорость не превышала полкилометра в час по прямой. Иногда приходилось работать топором, прорубая путь среди плотных кустов и молодой древесной поросли. Уже во второй половине дня вышли к окраине леса, с которой чётко просматривались дымки из домов деревни. Братья Самойловы с уважением поглядели на Сашу: вот что значит хорошо учиться в школе! Сами они не смогли бы даже так, приближённо, найти правильный путь. Да и в их сельской семилетке с географией было не очень. Зато в артиллерийской школе этот предмет преподавался на весьма высоком уровне и экзамен по нему был очень строгим. У ученика Полухина по нему была пятёрка с плюсом и... выговорами: педагог не раз безошибочно определял, кому из мальчишек Саша давал списывать прямо на уроках.

Но теперь предстояло решить более трудную задачу – выяснить, есть ли в деревне захватчики или их прихвостни. Лес вплотную к домам не подходил, то есть часовой фашистов легко заметит любого приближающегося к ним постороннего человека. Нужен был бинокль, а его то как раз и не было. Тем не менее, Саша не расстраивался: у пушки есть панорама, а её оптика обеспечивает четырёхкратное увеличение угловых размеров наблюдаемых объектов. И то хорошо, подумал он про себя. Скомандовав развернуть пушку стволом к деревне, боец расчехлил её прицел, а после установил прибор в его корзинку. Затем попеременно три красноармейца смотрели в окуляр, пытаясь выяснить, что происходит в населённом пункте. И не зря – с дистанции около полукилометра рядом с одной из изб обнаружился мотоцикл и рядом с ним два солдата. Они были одеты в чужую форму серого цвета с каким-то синеватым оттенком, а на их головах красовались характерные горшкообразные стальные шлемы.

Саша подумал: «Деревня маленькая, скорее даже хутор, пять-шесть дворов, поэтому вряд ли тут будет много немцев, кроме этих двух». Вспоминая рассказы учителя в его школе из военных о тактике, он пришёл к выводу, что это, скорее всего, вражеские разведчики. Так и оказалось, причём в данный момент они не выполняли поставленную им задачу, вместо этого активно занимаясь мародёрством. Сквозь перекрестие панорамы было видно, как один из немцев закинул в коляску мотоцикла гуся.

Решение у новоявленного командира расчёта созрело быстро: пользуясь элементом внезапности, скрытно выйти к дому с того направления, где строение закрывало его от наблюдения, и по возможности тихо уничтожить оккупантов. Родиона следовало оставить с упряжкой, проинструктировав его при обнаружении движения мотоцикла резко уйти в лес. Тут Илья даже вызвался добровольцем сопровождать Сашу. Однако при отсутствии даже теоретической подготовки в военном деле у гармониста такая помощь могла сыграть роковую роль в задуманном деле с очень большой долей риска. Бывший студент оставил у пушки всю ненужную экипировку и пошёл вперёд, взяв только ППД со всеми магазинами, револьвер Нагана и нож разведчика. Чем ближе он сближался с домом, тем сильнее слышались два голоса с чужой речью. Хотя у школьника Полухина была пятёрка по немецкому языку, на слух понять точно, о чём говорят

солдаты противника, не получалось. Но один из них был явно навеселе, а второй – трезв и, судя по всему, сильно недоволен поведением первого. Следовательно, с трезвого и надо было начинать. Саше везло ещё и в том, что гогот подвыпившего немца на пару с уворованным гусем заглушил его шаги и негромкий звук взводимого затвора пистолет-пулемёта. Красноармеец решил бить наверняка, из-за угла избы прямо в спину трезвому гитлеровцу. Очередь из пяти выстрелов попала точно в цель. С каким-то хрипением захватчик полетел вперёд и свалился лицом в грунт, а из пяти дырок в его мундире потекла тёмная кровь, образовавшая на земле большую лужу.

Второй фриц как будто поперхнулся, в его глазах отразились сначала недоумение, а потом ужас, когда он за упавшим подельником увидел советского бойца с беспощадным взглядом и ППД в руках. Он даже не попытался ни броситься к мотоциклу, ни выдернуть вальтер из кобуры на ремне. Немец только проорал: «Nicht schie en!», но Саша впервые в своей жизни почувствовал вкус крови и жажду жестокой беспощадной мести. Палец автоматически нажал на спуск, и ещё десять пуль нашли своего героя. Труп врага ещё дёргался в конвульсиях, а наблюдавшая за происходящим в окно избы и выбежавшая на крыльцо пожилая женщина кричала: «Сынок, ты что наделал! Теперь они всех нас убьют!»

Красноармейцу Полухину пришлось сделать немалое усилие над собой, чтобы не выпустить в неё все оставшиеся в магазине ППД патроны. Кровавая завеса с его глаз спала, он поставил оружие на предохранитель и медленно закинул его по-походному на спину. Способность к логическому мышлению вернулась к Саше, и он понял, что враг, обнаружив своих убитых мотоциклистов, не остановится ни перед чем.

– Тогда уходите! Они и так всех убивают!

– Куда нам, милоч! Нас тут четверо осталось, и я тут в шестьдесят лет самая молодая. И ни телеги, ни машины, ни трактора. А Макарыч, так тот еле до завалинки дойти может.

Женщина ударилась в слёзы, Саша еле сдержался от того же самого. Но за его спиной раздался старческий дрожащий голос: «А ты молодец, солдат! Так и надо этим разбойникам! Танька, давай прекращай реветь!» Обернувшись, он увидел еле стоящего сильно ссутулившегося древнего деда с клюкой. Трудно было поверить, что каких-то шестьдесят лет назад он был красавцем, которых художник Верещагин изображал на своих картинах. Воевал Осип Макарович на турецкой войне под командованием самого генерала Скобелева, и сейчас ему было ни много ни мало восемьдесят пять лет. Как оказалось, именно у этого древнего старика час назад лежащий ныне на грунте продырявленный фриц, грубо насмехаясь над его немощью, умыкнул того самого гусака и бутылку с самогоном. Птица скрашивала последние дни старика, попутно увеличивая гусиное поголовье во всей деревеньке. Вот и сейчас, выбравшись из коляски мотоцикла, это весьма упитанное пернатое, попутно шипя и на трупы гитлеровцев, и на Сашу с пожилой женщиной, важно прошествовало к своему хозяину за очередной порцией корма.

– Ничего, избавились от них живых, сволочей, с мёртвыми будет легче! Только посмотрим, что тут у этих жмуриков есть.

Саша с брезгливостью осмотрел оба трупа, снял с них часы и вынул из их нагрудных карманов документы. На одном из аусвайсов он прочитал: «Крафттрадауфклярунгсцуг», пара минут потребовалось, чтобы вспомнить уроки немецкого и кое-что из военного разговорника, за которым он коротал время на той самой повозке с имуществом. Мотоциклетный разведывательный взвод – вот что значило это труднопроизносимое слово. Красноармеец Полухин лично уничтожил трезвого ефрейтора-водителя мотоцикла и захмелевшего наблюдателя в чине оберфельдфебеля. Последним, кстати, объяснялось их поведение: ефрейтор понимал, что ничего хорошего из пьянства его непосредственного командира не выйдет, хотя и сам очень хотел хлебнуть самогона. Только не сейчас, а когда их выведут на отдых в тыл. Что же касается гуся, то зажарить его ему хотелось не меньше нализавшегося подельника, но тот вздумал перед этим ещё и подразнить птицу чем и занимался вплоть до своей бесславной гибели. Однако перечить

старшему по должности и званию ефрейтор не смел, поэтому только пытался втолковать оберфельдфебелю: что будет, если кто-нибудь из их командования узрит его в столь непотребном виде. Эти пререкания отвлекали немцев от наблюдения за происходящим, что стало главной причиной Сашиного успеха.

Закончив с труппами гитлеровцев, красноармеец Полухин переключился на их мотоцикл. И здесь он испытал неподдельную радость: в коляске обнаружили планшет с топографической картой местности, бинокль и компас. Убитые фрицы были моторизованными разведчиками, а потому всё это полагалось им по штату. Собственно говоря, им приказали осмотреть деревеньку и окрестности на предмет наличия советских войск и уточнить ряд местных ориентиров. Не обнаружив противника, оберфельдфебель положил карту с приборами в коляску и направился к жителям за реквизицией съестных припасов и чего-нибудь более-менее ценного. У Макарыча он заметил бутылку с белой мутноватой жидкостью, а с двухмесячным опытом пребывания на Восточном фронте гитлеровцу не требовалось объяснять, что это такое. Хорошего настроения Саше добавили также два качественных немецких термоса и ещё один карманный электрический фонарик.

Взяв бинокль и выйдя на окраину деревеньки, красноармеец Полухин легко разыскал в нем на опушке леса свою упряжку. Он помахал рукой и увидел, как кто-то из братьев ответил ему тем же самым. Всё это время они непрерывно наблюдали через панораму за происходящим, а когда обе фигуры гитлеровцев упали, то оба испытали прилив такой радости, какой у них не было с момента призыва в Красную армию. Сказав селянам, что он скоро вернётся, Саша пошёл к орудию напрямик. Убрав панораму и зачехлив прицел, бывший студент, внешне ставший начинающим диверсантом-артиллеристом, привёл упряжку в деревню и поставил её рядом с мотоциклом. Разбираться с устройством вражеской машины было некогда, да и много ли толку от неё будет в лесу, где она точно застрянет или встанет от нехватки топлива? Поэтому вместе с жительницей деревни трупы гитлеровцев загрузили на мотоцикл, привязав одного к рулю, а другого к коляске. На счастье, машина стояла незаторможенной и на нейтральной передаче, так что её удалось без особых проблем, хотя и с усилиями откатить на полкилометра от населённого пункта, где был поросший кустарником овражек. Это место было выбрано Татьяной Лазаревной – так звали пожилую женщину – за свою удалённость и неприметность. Со стороны оно казалось только группой раскидистых кустов чуть в стороне от грунтовой дороги, связывающей деревню с большим селом, где располагалось правление колхоза.

Этот овражек и стал открытой могилой для двух оккупантов и их мотоцикла. Столкнув их туда, Саша спустился вниз, с помощью топора испортил карданную передачу от мотора к ведущему колесу машины, а также разбил её приборы со светотехникой. Для надёжности он достал револьвер, прострелил один раз бензобак, но поджигать вытекшее топливо не стал – и так звуков во всём этом деле было слишком много, а столб дыма от горящего бензина мог привлечь совершенно ненужное внимание к происходящему даже далеко находящегося противника. И без того для приведения мотоцикла в порядок требовался очень серьёзный ремонт. Тем временем Татьяна Лазаревна с Родионом и Ильёй подготовили ветки, которыми забросали машину и трупы гитлеровцев.

Вернулись в деревню уже при закате, с помощью лопат и метлы бойцы быстро убрали кровавые пятна с грунта и придали месту его обычный вид. Так уж получается, что, увидев себя под действенной защитой, гражданские чувствовали, что настроение повышается на небывалую высоту. Если один красноармеец с пистолетом-пулемётом так лихо убил захватчиков, то трое, да ещё с пушкой, никакого врага на родное крыльцо не пустят! Даже братья Самойловы, забыв про своё недавнее сидение в кустах, всем своим видом излучали уверенность и готовность дойти до Берлина. А старик Макарыч хотел идти вместе с ними и грозно потрясал своей клюкой. Саше пришлось приложить немало усилий, чтобы покончить с этой эйфорией. Как ни

странно, его поддержал дед, забыв про своё желание лично отомстить пособникам гусеграда. Память Шипки и Плевны не стёрлась за прошедшие полвека с лишним:

– Ох и силён антихрист, ты прав, служивый. Вчетвером нам с ним точно не справиться. Эй, Танька, помоги ребятам, чем есть!

В результате упряжка пополнилась двумя тёплыми одеялами, брезентовым полотнищем и дополнительным запасом фуража для лошадей. Он предназначался для деревенского скота, но из него осталась одна корова, всех остальных животных забрали ещё в июле для поставок в армию. Саша, взглянув на себя в зеркало, с трудом узнал своё лицо – грязное и щетинистое. Поэтому он попросил у Татьяны Лазаревны бритву, кусок мыла и чистое полотенце, поскольку привык к опрятности, даже в полевых условиях. Всё это нашлось среди вещей её внука, также призванного на службу тем летом. Среди его школьных принадлежностей остались несколько чистых тетрадей, карандашей и линейка с транспортиром. Это было очень кстати в дополнение к карте и компасу. При свете керосиновой лампы красноармеец Полухин бросил беглый взгляд на саму карту – она оказалась советской, но названия были продублированы немецкой транслитерацией. Также на ней было много пометок с указаниями даты и времени, среди которых нашлось и место разгрома походной колонны его полка. Стало ясно, что гитлеровцы продвинулись далеко вперёд, и идти параллельно дороге смысла не имеет. Путь к своим лежал исключительно по бездорожью и, где только возможно, под прикрытием леса. Посоветовавшись с Татьяной Лазаревной, Саша решил сделать отправной точкой маршрута лес в паре километров к северо-западу от деревни, со стороны, противоположной их подходу к населённому пункту.

Хорошо зная местность, пожилая женщина решила сопроводить упряжку до его опушки. Бойцы распрощались с Макарычем и остальными пожилыми колхозниками, загрузили на передок всякой домашней снеди – не всё же сухари да кипятки для собственного пропитания использовать – и выдвинулись к намеченной цели. Несмотря на ночь, с помощью проводницы и лунного света они без приключений добрались до окружённой со всех сторон деревьями лужайки внутри леса. Там, простившись с Татьяной Лазаревной, и заночевали.

Утро выдалось туманным и хмурым, ясная погода, стоявшая последние дни, исчезла без следа. После вчерашних событий Саша решил дать себе и товарищам день отдыха перед предстоящим походом. Родион выпряг лошадей и верхом на одной из них отправился на поиски либо ручья, либо озера, Илья негромко наигрывал что-то на своей гармонии, а их командир под звуки этой музыки приводил себя в порядок. Подогрев воды на костре, удалось впервые за последние дни с относительным комфортом умыться и побриться, а также поесть. Яблоки со двора Макарыча и каша от Татьяны Лазаревны оказались весьма хороши. Вместо пустого кипятка был самый настоящий чай. Такой пикник на природе был бы просто замечателен, если бы за опушкой леса не шла война. Впрочем, её присутствие не замечалось: немцы продвинулись вперёд, звуки выстрелов и разрывов с передовой более не слышались, а самолёты не летали из-за тумана.

Разложив карту на сиденье передка, Саша погрузился в расчёты и размышления. Первой мыслью было: «Как хорошо, что вчера обзавелись компасом, а то без него и солнца даже с картой плутали бы по лесу». Измеряя линейкой расстояния и прикидывая возможные варианты действий, красноармеец пришёл к выводу, что его план выхода к своим путём движения на северо-восток лесом неосуществим. Причиной такого решения стало наличие большого участка открытой болотистой местности за лесом. Может быть, кто-нибудь из местных и сумел бы их провести известными ему тропами, но для упряжки с пушкой требовалось сухое твёрдое место приличной ширины. Таких же было только два – шоссе и железная дорога, причём обе под контролем немцев. Да и одиноко бредущий вместе со своим оружием и лошадьми расчёт открыт для наблюдения хоть с земли, хоть с воздуха – путь его будет весьма недолгим.

Обогнуть болото можно было только с запада, но, согласно карте, до спасительного леса простиралось обширное открытое пространство, которое нужно было как-то незаметно пре-

одолеть. Хуже того, по этой местности протекала безымянная и, по всей видимости, глубокая речушка, раз переход через неё был обозначен значком моста. У такого рода объекта следовало ожидать хорошую охрану, и пытаться вступить с ней в бой – верная смерть, хотя и геройская. Однако выше по течению и в стороне от дороги на карте был показан брод, причём недалеко от леса и вдали от любых населённых пунктов. Здесь противник вряд ли ожидал атаки со стороны Красной армии или сам планировал вести свою технику, а значит, и прикрытие брода вряд ли будет сильным. Если повезёт, то его может там и вовсе не оказаться. А если охрана присутствует, то с помощью пушки есть хороший шанс её уничтожить. И брод – не мост, его не взорвёшь. Красноармеец Полухин размышлял уже минимум как командир взвода, хотя его боевой опыт был весьма скромным, а походная подготовка ограничивалась лишь приключенческой литературой да рассказами бывалых вояк-учителей в школе. За неимением других приемлемых альтернатив он решил двигаться сначала на запад-северо-запад к броду, ликвидировать охрану переправы при её наличии, форсировать речушку и только потом под прикрытием леса идти на северо-северо-восток, где был шанс встретить своих.

Вернулся Родион и забрал остальных лошадей, чтобы их накормить, напоить и обиходить. Тем временем облачность превратилась в нависающие тёмные тучи, так что Илье пришлось отложить свою гармонь и помочь Саше соорудить что-то вроде укрытия для себя и орудия из брезентового полотнища, срубленных длинных палок и веток под развесистым дубом. Казалось бы, ничего сложного, но у нетренированных в такого рода делах людей постройка сооружения заняла целых четыре часа. Слишком много неудобств – только вдвоём найти мелкие деревца, срубить их, убрать сучья, доставить на место получившиеся опоры и врыть их в грунт, а после закрепить на них брезент подручными средствами. Чтобы уместиться под балдахином из брезента, пушку пришлось снять с передка и подкатить вплотную к дереву. Нелёгкая работа для двоих человек, учитывая тот факт, что масса системы составляет около восьмисот килограммов. Туда же загнали и передок, но под навесом удалось разместить только его короб, а дышло так и высывалось наружу из-под укрытия.

«Строительные работы» закончились вовремя – хлынул холодный осенний ливень, и от комфорта не осталось и следа. Навес, хоть и защитил от потоков падающей с неба воды, тем не менее, стал спустя какое-то время протекать. Однако Саша успел убрать все бумаги с картой и боящиеся воды вещи в короб передка и коробки на щите орудия, которые дополнительно накрыли ещё и одеялами. Под них Илья с превеликой тщательностью поместил свою гармонь. Самим же пришлось постоянно поддерживать горение дров в костре, поскольку вряд ли бы удалось разжечь его снова в случае затухания пламени. Ливень спустя полчаса ослаб до слабо крапающего дождя, а к вечеру и вовсе прекратился. Снова вернулся Родион со всеми лошадьми, изрядно «помытыми» атмосферными осадками. Ночь, по сравнению с предыдущими, была хуже некуда. Воздух ощутимо похолодел, форма на всех промокла, а на сапоги налипла грязь вперемешку с опавшими листьями. Одеяла, несмотря на попытку просушить их над костром, так и остались волглыми, а с брезента долго стекала вода.

Утром бойцы доели припасы из деревни; братья Самойловы только тяжело вздохнули, когда Саша сказал, что вновь придётся довольствоваться сухарями и кипятком. Лошадей поставили в упряжку, пушку взяли на передок, нагрузив на него, помимо прочего, с таким трудом изготовленные жерди. Шли медленно, колёса резали размокшую землю, иногда приходилось вытаскивать орудие своими руками. Только к полудню средняя скорость движения достигла километра в час. Чтобы не нагружать и без того тянущих изрядную ношу лошадей, бойцы не стали садиться на передок и продвигались на своих двоих, тоже с увесистыми вещемешками за своими спинами. Возглавлял шествие Саша с компасом и картой, Родион вёл упряжку, а Илья оказался замыкающим. Так, без происшествий, прошли целых три дня. Вечером, перед очередной ночёвкой, красноармеец Полухин аккуратно заносил в формуляр пушки пройденное расстояние, делал отметки на карте и в одной тетради кратко записывал события

дня. Задним числом в свой «Журнал боевых действий» он внёс уничтожение двух единиц живой силы и одного мотоцикла противника. Не всегда удавалось найти свежую воду, тогда в ход шли её запасы из жестянки и фляг.

На счастье расчёта, дождей больше не было, и стало возможным передвигаться по лесу чуть быстрее. Хотя направление похода определял Саша, главным на марше был Родион. Именно он, по состоянию лошадей, задавал время движения и привалов. Запасы фуража неуклонно убывали, но пока беспокойства по этому поводу не было, тем более что по пути удавалось найти подходящий подножный корм для коней. Дары леса помогли и самим бойцам: на симпатичной полянке собрали немало подберёзовиков, похлёбка из которых хоть как-то разнообразила меню из одних сухарей на завтрак, обед и ужин. Запасы шоколада также истощались, поэтому все были рады, увидев в стороне от своего маршрута кусты дикого малинника. За ягодами пошли осторожно, с оружием наизготовку: а вдруг там медведь сидит? Но страхи оказались беспочвенными: никого там не оказалось.

К полудню пятого дня похода упряжка вышла к северо-западной границе леса. Перед бойцами раскинулось большое открытое пространство с редкими деревьями и кустами на всём его протяжении. Саша тщательно осмотрел местность в бинокль и заметил дома на пределе видимости и идущую к ним цепочку столбов. Определив своё местоположение по карте, он удовлетворённо хмыкнул. По небольшому холму и направлению телефонной линии вдоль дороги красноармеец Полухин вычислил, что упряжка находится рядом с большим селом. Тщательное наблюдение подтвердило его выводы: на фоне неба чётко вырисовывался шатёр церковной колокольни. Уклонение от намеченного курса было вполне приемлемым, но близость с крупным населённым пунктом внушала опасения: а вдруг там хозяйничает враг?

Тем временем на достаточно просохшей за прошедшие дни дороге возник пыльный след. Саша взгляделся в бинокль, чтобы опознать по возможности тип машины. И предчувствие его не обмануло: угловатые формы корпуса явно принадлежали немецкому полугусеничному среднему бронетранспортёру. Тотчас же в душе красноармейца возникла целая битва между отчаянной храбростью и трусоватой осторожностью. Первая просто требовала привести пушку в боевое положение и героически уничтожить вражескую единицу бронетехники. Последняя же уговаривала его спрятаться в кусты, так как вообще без какого-либо практического опыта стрельбы из орудия шансы на победу были ничтожными, особенно по движущейся цели, да ещё из ствола на однобрусном лафете. К тому же на помощь обстреливаемым гитлеровцам запросто могло прибыть подкрепление из села неподалёку, и тогда уже сам расчёт пушки станет объектом охоты. Саша отдал предпочтение второму варианту, тотчас же уведя упряжку обратно в лес. В мыслях у него мелькнуло: Михаил Илларионович Кутузов тоже отступал, чтобы потом в подходящем месте и в нужное ему время одержать победу.

Сам того не зная, красноармеец Полухин открыл для себя принцип, высказанный древним мудрецом Сунь-Цзы: «Воины-победители» сначала ищут условия победы, а только потом вступают в битву; те же, что терпят поражение, сначала вступают в битву и только затем стараются победить». А до условий победы в том эпизоде было далеко, как до Луны.

Но одной осторожностью дело в свою пользу было не решить, и подтверждение тому последовало весьма быстро. Спустя ещё полтора дня похода надо было на время попрощаться с лесом, чтобы вдалеке от населённых пунктов пересечь открытый участок местности и переправиться через речушку. Здесь перед Сашей встал один очень важный вопрос, неприятный в случае любого ответа на него: когда двигаться – днём или ночью? С одной стороны, ночь скроет их от визуального наблюдения и поможет незаметно пройти опасный этап пути. А с другой стороны, какова будет скорость такого перемещения? Страшно подумать, что будет, если в темноте лошади попадут в какую-нибудь яму или расщелину. Луна вступила в фазу последней четверти, а это значит, что взойдёт она уже после полуночи, да и погода последние дни стояла облачная. Надолго ли в таких условиях хватит ресурса батареек карманных фонариков?

Поэтому красноармеец Полухин решил рискнуть и за минимально возможное время совершить дневной марш-бросок до окрестностей брода. В его преддверии он дал отдохнуть и личному, и конскому составу упряжки. Вечером, за костром, бойцы разговорились даже больше, чем обычно, – кто знает, что их ждёт завтра?

«Когда мы были на войне, когда мы были на войне, там каждый думал о своей подруге или о жене», – слова из более поздней песни были вполне применимы к Саше или Илье. Бывший студент постоянно вспоминал о своей девушке Кате, с которой он познакомился два года назад в Русском музее. Сейчас она, должно быть, закончила последний класс десятилетки, чтобы потом поступить в педагогический и стать учительницей. Только на душе у Саши было тревожно: в последнем письме от неё упоминались бомбёжки Ленинграда и что она, вместе с бывшими одноклассниками и одноклассницами, помогала пожарным и служащим МПВО при ликвидации последствий воздушных налётов. Ему, конечно, было приятно, что его избранница была довольно храброй, но лучше бы ей во время вражеских атак на город не дежурить на крышах и не тушить «зажигалки», а находиться в бомбоубежище или, того лучше, где-нибудь в деревне в глубоком тылу.

– Да уж, тебе не повезло! – заметил на всё это Илья. До нас фашист не дотянется, только что все мои без меня делать-то будут? Мы тут воюем, а этот урод Козлов с Машкой или Лизкой целуется? Или уже на сеновал залезли? – до войны за гармонистом и участником самодеятельности в родной деревне была целая охота со стороны незамужних девиц, да и замужние колхозницы на него поглядывали тоже не без интереса. А он всю этим пользовался.

Слушая это, Родион только молчал: за прытким младшеньким его просто не замечали. Если только не считать кобылы Люськи, которая за ним готова была ходить хвостом куда угодно и где угодно, хоть в самом правлении колхоза. Правда, интерес у неё был сугубо меркантильный – там морковку её повелитель даст, а там, если сделать особо постную морду и поржать жалобно, то и на сахарок расщедрится. И хотя Самойлову-старшему весьма нравилась Даша из его деревни, мысли то и дело возвращались к Люське – ну кто теперь за ней теперь ухаживает? Такой преданности вряд ли от кого дождёшься.

Закончив с мальчишеским трёпом, Саша с Родионом завалились спать: марш предстоял долгий и опасный, они должны быть хорошо отдохнувшими. Илья вызвался быть караульным, рассчитывая отоспаться уже в походе. Когда рассвело, как обычно, наскоро перекусили сухарями, убрали следы своего пребывания, погрузили всё имущество на упряжку, а на сиденье короба передка усадили изрядно зевавшего Самойлова-младшего. Выйдя на открытое пространство, Саша с биноклем, ППД и флажками из комплекта принадлежностей к пушке выдвинулся на пару сотен метров вперёд, давая отмашкой сигналы Родиону, что на пути перед ними опасностей нет. За пять часов удалось пройти двадцать километров, благо местность была более-менее ровная. Можно было двигаться и быстрее, но тогда лошади бы очень быстро устали. Поэтому пришлось сделать пару недолгих остановок, а в полпервого дня остановились на обеденный привал. Обед был весьма условным: сколько-то сухарей, вода из фляжек и ломтик шоколадки каждому. Ещё час похода – и вдали обозначилась долгожданная речушка. Найдя подходящие кусты, красноармеец Полухин скрыл за ними упряжку, а сам отправился в одиночестве разыскивать брод.

Прошедшие дни похода сделали из Саши кое-что уже знающего следопыта и навигатора. Брод он нашёл быстро, но с «добавкой» в виде целых шести гитлеровцев и их пулемётной позиции рядом с берегом. Спокойная тыловая обстановка сыграла ему только на руку: за прошедшее время немцы утратили осторожность. Трое из них в открытую играли в карты, один сидел за полевой радиостанцией внутри дерево-земляного сооружения с большой амбразурой, а остальные двое слонялись без дела. Передвигаясь ползком, красноармеец Полухин сумел приблизиться на расстояние около двух сотен метров к противнику. В бинокль внутри неболь-

шого укрепления можно было рассмотреть и голову вражеского радиста в гарнитуре с наушниками, и пулемёт на станке. Надежды на то, что брод не будет охраняться, рухнули с треском.

Теперь следовало подумать, как избавиться от всех этих фрицев. По-пластунски вернувшись в безопасное место, Саша начал прикидывать дальнейший план действий. Главным пунктом в нём была идея выкатить пушку на дистанцию около пятисот метров и уничтожить вражеское укрепление огнём прямой наводкой. С закрытой позиции было бы безопаснее, но где взять передового наблюдателя, вычислителя и большое количество боеприпасов для такого дела? Выход на открытую огневую позицию и первый выстрел надо будет в любом случае произвести скрытно, иначе немцы либо уничтожат расчёт огнём из пулемёта, либо сумеют установить связь со своими. Вызванное ими подкрепление за какой-то час прибудет на место, что для Саши и его товарищей обернётся гарантированной гибелью. Вывод напрашивался сам собой – орудие и передок выкатить силами расчёта ночью, чтобы ржание лошадей не могло насторожить гитлеровцев. Только вот куда?

На счастье красноармейцев, солдаты противника оказались достаточно ленивыми и не готовыми замочить ноги. На своём берегу они оборудовали своё укрепление, то ли ДЗОТ с жильём для гарнизона, то ли землянку с пулемётом, как надо, а вот на противоположном осталось несколько кустов с зарослями высокой травы, которые закрывали видимость некоторых секторов обстрела находящегося там «ствола». По правилам военно-инженерного дела их надо было бы вырубить, но для этого надо было по пояс перейти брод, а сентябрьскую воду тёплой ну никак не назовёшь. Плот им делать тоже не хотелось, поэтому в свете новостей об успешном продвижении вперёд своих частей гитлеровцы решили, что и без того справятся с небольшой группой недобитых советских бойцов, если таковая на них выйдет. Да и находятся эти кусты с травой достаточно далеко: двести метров открытой местности перед пулемётом есть – так чего ещё надо?

Внимание Саши привлекла одна такая группа растительности несколько левее его текущего местонахождения. «Отличная позиция!» – решил он, ползком добравшись до выбранной им точки. С неё укрепление было чётко видно в виде бугорка на берегу речушки. Расхлябанность врага получила ещё одно подтверждение: мочало с листьями и ветками, закрывающее амбразуру, было убрано, и темное трапециевидное отверстие замечательно выделялось на вроде бы природном небольшом холмике. Если бы гитлеровцы не пренебрегали наставлениями, то определить наличие у них пулемёта и радиостанции было бы очень трудно. По всей видимости, инженеры вермахта построили и замаскировали оборонительное сооружение по всем правилам, только вот его гарнизон пустил всю их работу насмарку. Ведь главное для деревоземляной огневой точки – это незаметность на местности.

Теперь предстояло наметить путь подхода к будущей огневой позиции. Увы, здесь местность была однообразной, а подходящие для ночных условий ориентиры не просматривались. С другой стороны, стоило отойти чуть назад, как укрепление совершенно закрывалось кустами и травой, а это значило, что сюда можно выкатить пушку, не дожидаясь ночи. Рискованное мероприятие, но не более того, что было ранее в деревне и при походе по открытой местности. Взглянув ещё раз на окрестность, Саша вернулся к упряжке. Ему пришлось потратить некоторое время, чтобы объяснить братьям свой план действий и то, как его надо будет исполнять.

Родион выпряг лошадей и отвёл их к другому кустарнику неподалёку. Затем втроём, молча и ругаясь про себя, с большим трудом бойцы выкатили пушку на нужное место. Её зачехлённый ствол буквально всего чуть-чуть не доходил до стороны кустарника, обращённой к противнику. Таким же образом рядом с орудием очутился и передок, освобождённый от походного имущества с ненужным при стрельбе инвентарём. Бугорок укрепления был почти не виден за спящим солнцем, которое уже клонилось к горизонту, однако завтра он будет очень хорошо подсвечен утренними лучами, а вражескому пулемётчику будет затруднительно разглядеть пушку на ярком фоне восхода.

Весь вечер ушёл на оборудование огневой позиции: вырыли ямку под откидной сошник, уложили туда брус, откинули правило. Заглядывая то и дело в руководство службы пушки, Саша с помощью братьев снял люльку с походных креплений, затем выключил подрессоривание колёсного хода. Расчехлив прицел, он долго колдовал над уровнями, не единожды консультируясь с руководством. Мысленно он уже сто раз поблагодарил погибшего Антона Смирнова за то, что при орудии нашлось всё необходимое, чтобы постигать азы обращения с ним прямо на ходу. Бывалые артиллеристы, если бы у них была возможность поглядеть на него со стороны, могли только скептически посмеиваться – вот неумёха! Но самые умные из них точно прониклись бы к нему уважением: он всё-таки с минимумом предварительной учёбы сумел правильно отгоризонтировать орудие и изготовить его к бою. Окончательные приготовления к стрельбе отложили на утро, вновь зачехлив систему. После таких усилий хотелось чего-нибудь горяченького, но разводить костёр было никак нельзя. Поэтому все трое уселись на расстеленное брезентовое полотнище рядом с пушкой и принялись грызть сухари, запивая их простой водой из своих фляжек. Попутно прикончили предпоследнюю плитку шоколада. Ночь провели в попеременном бодрствовании: двое спят, один в карауле. Хотя спалось плохо из-за нервного напряжения перед предстоящим боем, которое постоянно держало всех на взводе. До бывалых солдат, которые могут заснуть на ходу и продолжать идти в таком состоянии, красноармейцам Полухину, Самойлову-старшему и Самойлову-младшему было ещё очень далеко.

Зато к восходу солнца все были уже на ногах. Тумана не было, в бинокль Саша чётко видел потягивавшегося спросонья гитлеровца, вышедшего из укрепления. «Оно и к лучшему! – подумал бывший студент. – Сейчас мы тебя измерим!» По чёрточкам в поле зрения бинокля он определил, что этот захватчик виден под углом в четыре тысячных. Раз так, то при среднем росте в метр семьдесят расстояние до него будет около четырёхсот метров. Значит, первая установка прицела будет восемь по шкале ДГ. «Хорошо, попробуем!» – бывшему студенту это напомнило лабораторные работы по физике в школе и институте. Саша полностью расчехлил орудие и попытался открыть затвор, нажав на его рукоятку. Тот остался неподвижным. Братья Самойловы, наблюдая за ним, приуныли. Вновь пришлось перечитать руководство службы, чтобы узнать, что перед открытием затвора без предыдущего выстрела надо пальцем нажать на инерционный предохранитель. После такой операции с негромким металлическим звуком рама затвора повернулась и отошла в сторону от казённика, открыв канал ствола. Убедившись, что там чисто, Саша установил панораму в корзинку прицела, подвинул указатель отката, переставил стопор курка, прикрепил к последнему спусковой шнур и негромко командовал:

– Родион, Илья, начинаем!

Родион с топором, остальные руками и лопатами начали рубить и сдвигать ветви кустарника, мешавшие обзору и полёту снаряда. С этим управились быстро. Саша сразу же принялся к прицельным приспособлениям. Коробка прицела была установлена в вертикальное положение ещё вчера, пузырьки обоих уровней остались точно на средних положениях, полный порядок. На панораме угломер по всем правилам был выставлен в «тридцать-ноль», а отражатель – в ноль, осталось только подвести к указателю прицела деление «восемь» на шкале ДГ дистанционного барабана. В поле зрения прибора перекрестие навелось на какой-то камешек на берегу речушки. Подъёмным механизмом орудия Саша немножко приподнял ствол, пока точка в разрыве перекрестия не остановилась точно в центральной части тёмной амбразуры вражеского укрепления.

– Сейчас огребёте по полной, сволочи! Илья, помнишь, как я тебе показывал: гранатой, взрыватель осколочный!

– Да, Саш, это колпачок свинтить?

– Так точно! Давай быстрее!

– Всё сделал, вот снаряд!

– На будущее: надо отвечать «Готово!»

– Родион, смотри теперь ты! Вот так, аккуратно патрон подаём в камору и закрываем затвор! – тут с лязгом рама упёрлась в казённик. – А теперь все в сторону от орудия! – Саша потянул спусковой шнур, и с шелчком курок встал на боевой взвод.

Красноармеец Полухин старался всё делать так, как изготавливал учебную пушку к бою сержант-инструктор с помощниками в тренировочном лагере. Там-то было очень гладко, а у бывшего студента всё выходило на отметку «не очень». Тем не менее, все нужные операции были успешно сделаны, пусть и не так быстро. Вручив конец шнура Родиону, Саша сказал:

– По моей команде «Орудие!»... нет, «Огонь!»... нет, всё же «Орудие!» ты его дёрнешь, после чего пушка тут же и выстрелит!

– Понял!

Заминка была связана с почти нулевой выучкой Саши в роли командира орудия. По всем правилам и уставам солдат на этой должности сначала отдаёт команды, связанные с установками для стрельбы, а потом громко произносит: «Огонь!» Остальные номера расчёта начинают готовить систему к выстрелу, когда все эти действия закончены, рапортуются «Готово!» – и командир служебным словом «Орудие!» разрешает спуск его ударного приспособления. Но всё это действует, когда расчёт «играет в полном составе», а когда командир орудия и наводчик совмещены в одной персоне, то кому и как отдавать распоряжения?

Помимо такого рода сомнений, Сашу охватил ещё и дикий мандраж. Его первая стрельба была сразу боевой, причём такой, от которой зависела его, да и не только его, жизнь. Бинобль дрожал в его руках, поэтому пришлось лечь рядом с пушкой, чтобы упереть локти в землю и прекратить этот тремор. В поле зрения был чётко виден бугорок с амбразурой и гитлеровец, по-прежнему бродивший рядом с берегом речушки. Собрав всю свою волю в кулак, бывший студент громко произнёс: «Орудие!»

Громыхнул выстрел, и спустя секунду на покато́й крыше укрепления, правее и выше амбразуры, взметнулся взрывной султан. Оно было построено врагом добротнo, и какие-то семьсот граммов тротила, да ещё и без заглубления, ему значительного вреда не нанесли. Однако взрывная волна сбила выходящую из него антенну, а один из осколков попал прямо в бок гулявшему рядом немцу. Тот упал и заорал от боли во всю глотку, но Саше его благой мат был попросту не слышен. Красноармеец метнулся к панораме, изменил установку прицела на «семь», скорректировал угол возвышения ствола и приказал Родиону открыть затвор, попутно заметив, что орудие установили хорошо: его лафет даже не сдвинулся с места. А это значило, что можно стрелять дальше, не опасаясь того, что окуляр панорамы въедет тебе прямо в глаз.

Родион выполнил распоряжение: стреляная гильза со звоном вылетела из казённика. Илья тоже не сплеховал, быстро достав из лотка следующий патрон и свинтив колпачок у взрывателя. Пушку перезарядили, Саша опять приник к окуляру панорамы: перекрестие стояло чётко на амбразуре укрепления. Вдруг внутри неё запульсировал оранжевый огонёк, и где-то над головами бойцов просвистели пули данной немцами очереди. Но, по всей видимости, огонь вёлся пока ещё не прицельно, для острастки, поскольку звук от пуль шёл то сверху, то сбоку, то превращался в глухие удары: достаточно далеко перед орудием вздымались фонтанчики пыли от их попаданий в грунт.

Вновь последовали команды, большей частью для самого себя, «Огонь!», «Орудие!» и выстрел, но получился явный недолёт: в поле зрения панорамы разрыв закрыл собой цель. Дождавшись наката ствола в исходное положение, Родион открыл затвор. Братья прямо на глазах становились настоящими номерами расчёта: сноровка-то у них была и до того, без неё в деревне жизнь превращается в сплошной кошмар. Не успел Саша вернуть прицел на установку «восемь», как пушка была вновь заряжена и подготовлена к выстрелу. Судя по всему, гитлеровцы тоже прекратили огонь, так как султан от разрыва закрыл им видимость на предпола-

гаемое местоположение обстреливавшего их орудия, да и восходящее солнце сильно слепило глаза.

Третий выстрел дал перелёт, и Саша понял, что установка прицела правильна, а непопадание в амбразуру обусловлено рассеиванием снарядов. В такой ситуации надо просто вести беглый огонь до уничтожения огневой точки противника, поэтому он крикнул братьям: «Парни, давайте быстрее!» Гитлеровцы тем временем обнаружили пушку, и пули начали ложиться в опасной близости от неё. Одна со звоном ударилась в щит, но пробить его не смогла и срикошетила в сторону. Как только Родион закрывал затвор и рапортовал «Готово!», следовала очередная команда «Орудие!» Дали четвёртый, пятый, шестой выстрел. В поле зрения панорамы встало и осело два взрывных султана рядом с оборонительным сооружением, но пулемёт внутри него так и продолжал огрызаться короткими очередями. С другой стороны, немцы тоже занервничали: их точность огня после каждого выстрела ощутимо падала. А может быть, сотрясение от взрывов сбивало наводку пулемёта. Но достаточно быстро фонтанчики от пуль вновь подбирались к орудию. Однако после шестого выстрела картина была другой: султан не взметнулся, а из амбразур и невидимого бокового выхода из укрепления, на языке фортификаторов называемого потерной, полетели пыль, щепки и земля. Спустя пару секунд крыша сооружения ощутимо осела вниз. Саша понял, что попал прямо вовнутрь него через амбразуру, и скомандовал прекратить огонь.

Затем все трое осмотрели укрепление в бинокль, дававший более крупное увеличение, чем панорама. Не было видно ни малейшего признака жизни, только из амбразур и потерны струились дымки, скорее всего, что-то горело или тлело внутри сооружения. Поскольку было неизвестно, сумел ли противник сообщить об обстреле, Саша решил немедленно выдвинуться вперёд и как можно скорее перейти речушку вброд, пока немцы не прислали кого-нибудь выяснить судьбу своего поста. Поэтому он решил не банить сейчас ствол пушки после стрельбы, хотя после остывания порохового нагара это делать гораздо труднее. Но в сложившейся ситуации надо было без промедления начинать подготовку к движению. Родион отправился за лошадьми, а остальные занялись переводом пушки в походное положение. Натренированный расчёт справляется с такими делами применительно к полковушке за пару минут, но в нём семь человек, а не три, один из которых совмещает функции ездового и замкового. Поэтому пока привели и впрягли лошадей, пока загрузили всё имущество и инвентарь, даже стреляные гильзы, прошло целых двадцать минут. Этого было более чем достаточно, чтобы из ближайшего населённого пункта прибыло подкрепление. Но, на счастье бойцов, у немцев в штабе, куда гарнизон сооружения сообщал об обстановке, в это время велись активные и очень важные переговоры с наступающими передовыми подразделениями, в результате чего отсутствие своевременного рапорта от удалённого и маловажного поста прошло незамеченным.

Чем ближе упряжка приближалась к броду, тем отчётливее до красноармейцев доносились истошные вопли лежащего на земле гитлеровца: «А-а-а!!! Hilfe-e-e-eü!» Вода в самом глубоком месте подступала к животам лошадей и коробу передка, но расчёт успешно перебрался через речушку, даже не замочив сапог. Увидев пушку, немец заорал ещё сильнее. Следовало остановиться, Саша соскочил с передка. Раненый был без оружия, поэтому бывший студент подошёл к нему вплотную. Даже беглый взгляд показал, что дела солдата вермахта очень плохи. Его бок был разворочен осколком, попавшим аккурат в тазобедренный сустав и слегка задевший органы нижнего подбрюшья. Вспоминая зверства оккупантов на месте разгрома своего полка, красноармеец Полухин решил не щадить их нисколечки, и особь у его ног не была исключением. Вопрос был только в том, стоила жизнь этого гитлеровца хотя бы одного патрона или нет?

Ответ на него был отрицательным: Саша закинул ППД за спину и сказал гитлеровцу: «Du bist gekommen, um uns zu töten. Und jetzt stirbst du, wie ein Hund!» Истошное «Ne-e-e-ein!» было прервано мощным ударом сапога в голову лежащего. Шейные позвонки были сразу же

сломаны, хватчик умер мгновенно. Сплюнув от переполнявшей его ненависти, красноармеец Полухин вынул документы из его мундира: новопреставленный оказался простым стрелком из Мюнхена, не дослужившимся даже до звания обершютце. Затем Саша заглянул вовнутрь сооружения, где перед ним открылась картина весьма качественно проделанной им боевой работы.

Внутри в разных позах лежало четверо изуродованных трупов в порванной форме в разной степени комплектности, а ещё один безголовый мертвец сидел за столиком с искорёженной радиостанцией. Внутри воняло жжёной плотью с тлетворным душком начавшегося разложения напололам с запахом взорвавшегося тротила. Пара наклонившихся брёвен с крыши мешала ей осесть полностью, пулемёт с перерубленным осколком стволом нашёлся отброшенным к стенке. Небольшой склад боевых и прочих припасов рядом со спальными нарами был разбросан по полу и заляпан кровью. Мясо из большой вскрытой осколком консервной банки смешалось с оторванной кистью кого-то из гитлеровцев. Саша испытал один из самых страшных позывов к рвоте за всю свою жизнь, но справился: «Так вам, сволочи, и надо!»

Внезапно раздался голос Родиона: «Ну, Саш, ты и мясорубчик! Фарш с отбивной у тебя знатно получаются! Даже не думал, что кто-то из городских нашего Тимошку с колхозной скотобойни так превзойти сможет!» Если на месте гибели однополчан Самойлов-старший был потрясён до глубины души, то здесь он просто констатировал факт: ему в мирное время не раз доводилось отправлять на забой старых или увечных лошадей, а за эти дни гитлеровцы в его понимании стали хуже скотины. Последняя ещё заслуживала жалости, эти же – нет!

Артистическая же натура Ильи взбунтовалась ещё при виде военно-полевого трибунала, где прокурором, судьёй и исполнителем приговора выступил красноармеец Полухин. В отличие от старшего брата, он был избавлен даже от такой обыденной при жизни в деревне вещи, как забой домашнего скота и птицы, а потому был очень чувствителен в этом отношении. Логической стороной своего сознания он отдавал себе же отчёт, что по сравнению с замученным на дороге советским капитаном эти немцы умерли почти что мгновенно и безболезненно. Но Илья никак не мог принять всю суровую необходимость войны со всеми её проявлениями. В его душе лучше бы эти гитлеровцы как-нибудь сами ликвидировались, без таких грубых действий и слов со стороны его товарищей. Или, по крайней мере, чтобы он лично подобных сцен не видел. Илью снова бросило в слёзы, но старший брат довольно жёстко его одёрнул:

– Илюх, а ты всегда так будешь? Тебе из девок на селе кто больше нравится?

Столь резкая смена темы, как ни странно, повлияла на ситуацию в положительном ключе:

– Лиза!

– Ну вот, придёшь ты к ней с войны, женишься, а курям для обеда голову отвинчивать и собак паршивых со двора кто гонять будет? Козлов? Он ведь сможет! И Лизе твоей придётся смириться, что её муж – тряпка и размазня!

– Не-е-е-т! Я не тряпка!

– Тогда пошли! Ещё много дел впереди! Возьми вот лучше свою гармонь и давай: «От тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!» Или ты только 23 февраля в клубе так можешь?

– Я?!! Это мигом!

Все трое уселись на упряжку, благо на месте этого мини-побоища брать решительно было нечего. Все полезные вещи убитых гитлеровцев были изуродованы или приведены в негодность разрывом снаряда в укреплении. Бойцы двинулись в направлении леса, до которого было рукой подать. По пути в три голоса спели и про Красную армию, и про трёх танкистов, и, что было особенно в тему, песню артиллеристов: «Для защиты свободы и мира есть гранаты, готова шрапнель! Наши пушки и наши мортиры бьют без промаха в цель!» Немцы так и не появились, упряжка без помех углубилась в приветливый и покрытый жёлтой листвой березнячок, где удалось найти удобное место для ночлега. Перед ним Саша занёс пройденный за день путь и

расход в шесть осколочно-фугасных гранат в формуляр пушки. В «Журнале боевых действий» появилась запись про уничтоженные пулемёт, полевую радиостанцию и шесть единиц живой силы противника.

Перед тем, как отдыхать, надо было сделать одно важное дело. Пока Родион занимался лошадьми, бывший студент с гармонистом обихаживали орудие. Из коробки на его щите достали щётку для банника, насадили её на древко, снятое с лафета пушки, и начали чистить ствол. Работа тяжёлая, но нужная. Впрочем, после шести выстрелов порохового нагара было немного, и до темноты удалось с этим более-менее управиться. Из другой жестянки Саша достал пушечное сало и смазал им канал ствола, после чего зачехлил ствол и казённый. Братья Самойловы тем временем сооружали шалаш и разводили костёр. После вечернего кипятка и сухарей со съеденной на радостях после первой победы последней шоколадкой всё пошло привычным уже чередом – двое спят, третий стоит с ППД на карауле.

Однако утром у Саши радости поубавилось. Хотя в целом план похода выдерживался, но фуража и сухарей осталось уже немного, а при движении на северо-северо-восток они скоро выйдут за пределы показанной на карте местности. Следовательно, надо разыскивать либо новую карту, либо проводника. Кроме того, если подножный корм для лошадей ещё можно было найти, то вопрос с едой для них самих так просто не решался. Поэтому пришлось весь день посвятить поиску грибов – и сезон подходящий, и было бы странным в берёзовом лесу не найти подберёзовиков. «Тихая охота» принесла свои плоды, что позволило несколько сократить потребление сухарей. Кроме того, на фоне нехватки съестных припасов Родион начал подумывать и о настоящей. Ещё мальчишкой он как-то раз ходил с одним из колхозников на зайцев, но навыков в этом деле у него никаких не было. Саша тоже вслух пожалел о том, что мало читал про то, как искать нужную пернатую и наземную дичь. Что касается Ильи, то он чуть не расплакался насчёт судьбы несчастных зверушек и птичек, которые могли бы послужить ему обедом.

Но голод не тётка. Три дня похода прошли со сниженной скоростью: Родион больше не давал фуража лошадям, вместо этого выпасая их на травке. Это занимало много времени, но оставшийся запас берегли на последнюю стадию прорыва к своим. Ориентировались только по компасу, поскольку упряжка покинула участок местности, изображённый на захваченной у врага карте. Рацион сменился на похлёбку из подберёзовиков и подосиновиков, благо их ни с какими другими грибами не спутаешь. Только на обед каждому Саша выдавал по сухарю. Теперь и он поглядывал по сторонам: а вдруг какая-то дичь подвернётся? Тщетно. Поэтому дело окончилось охотой на ворон: эти пернатые ну хоть иногда попадались на глаза. Возможно, каркуш привлекала упряжка, ведь с деревенских повозок иногда можно было разжиться чем-нибудь вкусненьким с вороньей точки зрения. В результате с третьей попытки, израсходовав шесть винтовочных патронов, удалось всё-таки застрелить довольно упитанную ворону. Кто знает, вдруг она разжирела на трупах павших, но, как говорится, без еды «и ни туды, и ни сюды». Родион ощипал и разделал птицу, в результате все трое за многие дни поели хоть какого-нибудь мяса. Никто из бойцов и подумать не мог, что грибная похлёбка с «воронятиной» станет основным блюдом в их меню.

Так прошло ещё два дня. Без карты Саша не мог сказать, где они сейчас находятся, единственное, в чём он был твёрдо уверен, – что курс на северо-северо-восток твёрдо выдерживался. Но от него также не ускользнул тот факт, что скорость их передвижения сильно упала: хорошо, если за сутки удавалось пройти восемь-десять километров. Родион часто выпасал похуевших лошадей, да и бойцы сами отнюдь не поправились на «диете» из сухарей, грибов и ворон. Необходимость наведаться в населённый пункт за припасами становилась всё более очевидной, только лес никак не кончался. У всех создалось впечатление, что и войны-то нет – за прошедшее время не было слышно ни далёких раскатов от артиллерийских залпов, ни гула авиационных моторов. Пространство вокруг них заполняли звуки переклички невидимых

птичьих стай, летящих или только собирающихся лететь на юг. Саша ещё мог оценить суровую красоту среднерусской природы, но и за ней он большей частью хотел бы увидеть что-то съедобное. Но любые попытки добыть дичь, отличную от ворон, неизменно оканчивались провалом. Хороший охотник должен и знать, и уметь многое, чтобы незаметно подобраться на дистанцию верного выстрела. Эволюция в течение многих сотен поколений выработала у диких животных и птиц хорошее чутьё, так что простой хруст ветки под сапогом заставлял их сразу же насторожиться, а неудачный выстрел надёжно отпугивал их от «охотников».

Поэтому ещё день спустя красноармеец Полухин решил на одну из самых странных охот, которые только проводились во всём мире. Продвигаясь в заданном направлении, упряжка вышла из леса, но надежды найти населённый пункт развеялись, когда выяснилось, что открытое место – всего лишь большая прогалина посреди соснового массива. В бинокль на другом её краю Саша обнаружил то ли маленькое озерко, то ли огромную лужу, а в ней целую стаю диких уток. Расстояние до этого водоёма он определил от сотни до двухсот метров. Подстрелить с такой дистанции дичь из винтовки нереально, а подбираться поближе – в свете свежего опыта верный способ её безвозвратно спугнуть. Но ведь пули есть не только в унитарных винтовочных патронах, но и в шрапнельных для пушки. Более того, в последних пуля не единственная, а больше двух сотен на один выстрел. Это и навело Сашу на мысль попробовать выпалить из пушки, если не по воробьям, так по уткам шрапнелью. А вдруг удастся зацепить пару-тройку тушек? Риск в этом был только в плане выдать себя противнику, но прогалина была окружена лесом со всех сторон, а деревья и их листва неплохо гасят проходящие через них звуки. К тому же одиночный выстрел в условиях военного времени не всегда привлекает особое внимание: мало ли что послужило ему причиной. Вот перестрелка – это уже другое дело.

Поразмыслив над всем этим, Саша тихо скомандовал подготовить пушку к выстрелу. Стараясь максимально не шуметь, систему расчехлили, зарядили шрапнелью и навели на берег этой лужи, то ли озера. Рядом с перекрестием панорамы на суше был виден селезень с тремя утками, ещё несколько плавали или ныряли за пищей. Дистанционную трубку установили «на картечь», так, чтобы вышибной заряд сработал сразу по вылете из ствола. Подобным образом наставления предписывают бороться с вражеской пехотой или кавалерией, непосредственно насаживая на орудие. А вот так использовать боеприпас с готовыми поражающими элементами против пернатой дичи, по всей видимости, никто до того не пробовал. Вручив Родиону конец спускового шнура, Саша поднёс бинокль к своим глазам и дал отмашку рукой. Последовал выстрел и вслед за ним хлопок вышибного заряда, облако дыма от которого закрыло часть озера в поле зрения. Но и без того было видно, как мгновение спустя на берегу и на воде поднялось и опало много фонтанчиков от попадания туда шрапнельных пуль. Утиная стая с истошным кряканьем взвилась в воздух, но в бинокль виднелись две оставшиеся на суше тушки. Подойдя к воде, в ней нашли ещё одну убитую птицу, которую достали длинной палкой. По пути назад к орудию обнаружили друг за другом дистанционную трубку, стержень с диафрагмой и корпус от самой шрапнели. На всякий случай их зарыли в землю, чтобы враг даже в теории не мог определить источник выстрела.

Уже привычно изготовили пушку к походу, взяли её на передок и побыстрее ушли с места своей утиной охоты. Родион говорил лошадям: «Потерпите немного, будет, будет вам отдых». Лес стал редеть, и пришлось поискать место для ночёвки, где упряжка и костёр были бы хорошо укрыты от наземного и воздушного наблюдения. Пока Самойлов-старший с немалым опытом ошипывал и разделял тушки, а затем готовил из них похлёбку с грибами, Саша предпринял небольшую разведку. Открытое пространство было недалеко, и где-то в километре-другом в наступившей темноте засветились огни деревни. Она была крупнее той, где жили Макарыч и Татьяна Лазаревна. Красноармеец Полухин тщательно осматривал в бинокль каждый дом: надо было понять, кто в населённом пункте хозяин. Но единственное, что удалось выяснить,

так это отсутствие в нём автотранспорта или боевых машин с зажжёнными фарами. Также во время наблюдения слух уловил далёкие раскаты канонады – значит, передовая была уже относительно недалеко. Вернувшись к своим, Саша впервые за последние дни неплохо поел – утятини было достаточно, да и вкус у неё был несравним с варёными воронами. Детальное знакомство с положением дел в деревне он решил отложить на завтра, хотя ночью можно было бы без проблем незаметно туда пройти. Но усталость брала верх, и сон его одолевал прямо на ходу. Поскольку для завтрашнего довольно опасного дела ему надо обязательно быть свежим, то ночной караул пришлось нести только братьям Самойловым.

Рано утром Саша занялся приготовлениями к разведке. Он перепроверил ППД и наган, взял три магазина для пистолет-пулемёта и запасные патроны для револьвера, нож и бинокль. Родиону и Илье он скомандовал быть наготове к походу и уходить в лес, если в деревне случится перестрелка. Если он не вернётся до конца дня, то дальнейшее представляется на их усмотрение. В случае решения оставить пушку её надлежало безвозвратно испортить. Бывший студент детально объяснил, как это сделать: надо было выстрелить из орудия с насыпанными в канал ствола землёй и камнями с помощью длинного шнура, а самим перед этим вырыть окоп в полный рост и спрятаться в нём. Перед расставанием братья только и сказали: «Ну, Саш, ни пуха тебе, ни пера!»

С крайней осторожностью красноармеец Полухин приближался к деревне. Однако с её стороны не было слышно ни чужой речи, ни звука моторов, только время от времени кудахтали куры да слышны были удары топора – кто-то колот дрова. Прижавшись к забору, Саша наблюдал за тем, как женщина средних лет разговаривала с девочкой лет десяти-одиннадцати:

– Мама, а скоро немцев, барона и Стеценко Красная армия прогонит? Я в школу хочу! И козочку нашу, Белочку, надо спасать!

– Дочка, тише! Хочешь, чтобы тебя атаман услышал?

– А он сейчас вместе с Торцевым в своей избе сидит и нас не слышит! Я сама видела! Скоро наши солдаты придут? Ведь Красная армия всех сильнее!

– Не знаю, Анечка, не знаю!

Момент для вмешательства был просто подходящий, и Саша открыл со скрипом калитку. Девочка с радостью закричала «Ура!», увидев красноармейца в пилотке со звёздочкой и с пистолет-пулемётом в руках, а в глазах её мамы отразился страшный ужас. Аня мёртвой хваткой вцепилась в рукав гимнастёрки, так что бывшему студенту пришлось её подхватить, чтобы поскорее занести в дом, попутно прикрывая её рот свободной рукой. Женщина, всё ещё страшно напуганная, прошла за ними. Она по-прежнему так ничего и не могла сказать, только всё всхлипывала и всхлипывала. Впрочем, рассказ девочки очень быстро прояснил ситуацию.

Десять дней назад в деревню заявился передовой отряд моторизованных частей гитлеровцев. Они отметились «всего лишь» тем, что изнасиловали молодую школьную учительницу с одной из старшеклассниц, избили пожилого колхозника и забрали всю ту живность и еду, которая попала им на глаза. Всё было проделано с такой быстротой, которая выдавала богатый опыт в такого рода злодействах. Но в полной мере беда пришла, откуда не ждали. Деревенский плотник Стеценко неделю спустя вдруг объявил себя «атаманом» и установил свои собственные порядки, возгласив, что действует во имя немецкого барона фон Бергманна! Опорой ему служили шестеро подручных, которые уклонились под разными предложениями или скрывались от призыва в Красную армию, – на селе спрятаться и переждать опасное время не так уж и сложно. Местные только удивлялись: как такое могло прийти в голову весьма недалёкому плотнику и что это за барон такой? Но хлебнувший на радостях самогона «помощник атамана» уже вечером того дня выболтал всю подоплёку происходящего, которая оказалась сколь невероятной, столь и реалистичной.

Эту часть печальной истории рассказала уже мать Ани, немного пришедшая в себя. Долгое время в деревне жил пасечник Андрей Горцев, тихий такой мужчина лет под шестьдесят.

Говорил он с заметным акцентом и как-то иначе, чем остальной люд, но в пчеловодстве разбирался знатно, и никто не сомневался, что живёт он своим честным трудом. Работал единоличником, тихо, не шикавал, хотя доход у него имелся, и, по слухам, он где-то схоронил кубышку с золотыми царскими червонцами. Но батраков не держал, всё делал сам, все налоги с хозяйства платил, так что ни фининспектор, ни даже оперативный уполномоченный НКВД к нему претензий не имели. Иногда в правлении колхоза Горцев просил, чтобы ему помогли с ульями или ещё с чем серьёзным, рассчитываясь первоклассным мёдом, а Стеценко нередко приходил к нему участвовать в тех работах.

За день до прихода немцев в деревне исчезло электричество и перестал работать телефон. Послали человека в правление колхоза выяснить причину, а тот так и не вернулся. А потом нагрянули гитлеровцы, и дней пять люди жили в абсолютном вакууме власти: связи с внешним миром не было, не появлялись ни оккупанты, ни красноармейцы. Селяне просто не знали, что хотя враг и продвинулся далеко вперёд, но стал испытывать первые затруднения в своём «блицкриге», а потому одну часть предназначенных для тыловых нужд войск бросили на передовую, а другую передали в распоряжение айнзацкоманд, охотившихся на евреев и коммунистов. Для удалённой деревни, не имевшей никакого значения в планах наступления и в логистике, решили выделить коменданта и гарнизон по мере возможности, которая пока так и не открылась. И в такой во всех смыслах «серой зоне» пасечник Горцев проявил свою истинную сущность.

Дело было в том, что именно этот человек и оказался самым настоящим «фон-бароном» из Прибалтики. Он принадлежал к древнему роду остзейских немцев и до революции величался как Андреас Готтлиб фрайхерр фон Бергманн. Титул «фрайхерр» собственно и обозначал баронское достоинство. После ухода Русской императорской армии из Риги он активно сотрудничал с пришедшими немцами, стал важным чином в новой администрации, за него хлопотали перед кайзером дальние родственники-аристократы из Шлезвиг-Гольштейна. 1918 год стал для барона страшным ударом: Германия капитулировала, за участие в боевых действиях в рядах немецкого фрайкора новые латвийские власти отобрали у него поместье и неофициально даже назначили плату за его голову. Волей случая ему не удалось бежать в Восточную Пруссию, но с кейсом золотых монет и фамильными драгоценностями он нашёл пристанище в Советской России, где за сколько-то червонцев справил себе документы на имя Андрея Горцева. Будучи в прошлом помещиком, фон Бергманн имел хобби – разводить пчёл, а потому оборудовал по всем правилам и новым веяниям в те «благословенные» времена в своих владениях пасеку, выписывал журналы с книгами по теме и угощал на раутах своих гостей собственноручно добытым мёдом. Теперь ему это пригодилось по полной. Под личиной тихого и работающего пасечника бывший аристократ терпеливо ждал либо шанса более-менее без подозрений уехать в рейх, либо пока солдаты рейха не придут к нему сами. И вот теперь его голубая мечта сбылась.

Поначалу гитлеровцы чуть было его не убили прямо на пасеке, но истошные вопли на чистом немецком языке привлекли внимание обер-лейтенанта, командовавшего передовым подразделением. А уже спустя пять минут бравые солдаты вермахта стояли перед Торцевым по стойке смирно, отдавая нацистское приветствие. На надетом пиджаке, за неимением фрака или парадной военной формы, теперь красовались баронские регалии и ордена кайзеровского «второго рейха». Обер-лейтенант, из молодой поросли прусского дворянства, с благоговением слушал упоминание о некоем графе из штаба Африканского корпуса, который знал и его дядю, и стоящего перед ним фон Бергманна. Пока нижние чины с удовольствием уплетали дарованный им бароном мёд, почтенные аристократы обсуждали план дальнейших действий. Он, собственно, и предусматривал превращение пасечника в господина, если в ближайшие два дня в деревню не придут немецкие комендант и гарнизон. Затем надлежало найти пособников для оккупантов, изъять у селян скот и продукты, подготовив их к передаче в ведение загото-

вительной команды вермахта, а попутно «нейтрализовать» любых нежелательных элементов. Выдав дополнительные охранные документы господину барону на пару с трофейным советским пистолетом ТТ, обер-лейтенант с подчинёнными направились в деревню в распрекрасном расположении духа. Видимо, поэтому «герои-арийцы» и обошлись без убийств, ограничившись «лишь» побоями, грабежом и изнасилованиями.

В качестве пособников аристократу как раз достались Стеценко и его присные, причём задёшево. Пистолет и пара золотых червонцев вместе с обещаниями похлопотать за них перед немцами в один момент купили их весьма сомнительную верность. Плотник, подобострастно называя фон Бергманна «ваше сиятельство», абсолютно неуместным по отношению к барону обращением, тоже решил изобрести себе титул. А поскольку родом он был «с югов», то ничего лучше для себя, чем «атаман Стець», этот кандидат в полицаи так и не придумал.

Стремясь выслужиться перед фон Бергманном и будущими хозяевами, новоявленный атаман убил топором единственного коммуниста в деревне – старого счетовода. От такого господина барон только поморщился, но расценил это как допустимую вещь, поскольку он и в самом деле считал немцев высшей расой, а славян – недочеловеками, обуреваемыми примитивными животными инстинктами. Как, кстати, и любых прибалтов: в его сознании кровоточила память об отобранном ими поместье под Ригой. Ошалев от вида крови, Стеценко решил, что той же участи заслуживает и молодой парень-агроном, муж учительницы, на которую «атаман» сам имел виды. Из-за слабого здоровья его не взяли в армию даже в военное время, поэтому он остался в колхозе в эти страшные дни. Но тут озверевшему убийце пришлось резко умерить свой пыл: фон Бергманну для будущего поместья очень был нужен понимающий в сельском хозяйстве человек, а его жена великолепно сойдёт на роль экономки и для постельных утех высокородного аристократа. Но барон не возражал против «отжатия» любых других чужих жён, чем «атаман Стець» в тот же час незамедлительно воспользовался. Свысока глядя на его поведение, новоявленный властелин местного масштаба только утверждался в своём мнении о славянах-«недочеловеках».

После таких событий в деревне воцарился ужас: «атаман» и его присные собрали весь уцелевший после набега гитлеровцев скот. Самых лучших животных пришлось отдать барону, просто хороших они взяли себе, а остальных заперли на скотном дворе в ожидании немецкой заготовительной команды. Так любимая козочка Ани оказалась на подворье Стеценко. Сам же фон Бергманн избрал своей штаб-квартирой школу, впрочем, не забывая и о пасеке. Жителям пришлось безоговорочно выполнять его распоряжения о сельхозработах, в которых он, надо сказать, знал толк. Старожилы живо вспомнили дореволюционные времена, когда всем заправлял приказчик барина, который сам кутил где-то в Санкт-Петербурге. Не забыл господин аристократ напомнить селянам, что за любую помощь Красной армии или советской власти он лично вынесет смертный приговор любому во имя «тысячелетнего рейха» и фюрера.

Увидев красноармейца, мать Ани до смерти испугалась за судьбу девочки, но потом просто взмолилась: «Товарищ, защити нас от этих нелюдей!» Саша от безмолвной ярости только сжал в руках ППД. А на пороге дома уже слышались шаги: привлечённый радостным возгласом девочки «атаман» пошёл выяснять, в чём дело. Каково же было его удивление, когда в доме он увидел красноармейца с изготовленным к стрельбе пистолетом-пулемётом: «Руки вверх, мразь!» Топор надо было ещё вынуть из-за пояса, а в глазах Саши он увидел готовность нажать на спуск при малейшем собственном шевелении. Спустя минуту «атаман» был крепко связан и сидел с кляпом во рту, Аня с её мамой постарались на славу. Дальнейшее было оформлено в том же ключе – девочка, якобы по просьбе Стеценко, позвала в родительский дом фон Бергманна-Горцева: «Господин барон, вас нижайше атаман просит в нашу избу подойти, мы клад с монетами и иконами нашли». Это стоило проверить на месте, чтобы ничто не прошло мимо рачительного хозяина. Там аристократа постигла та же участь, что и плотника-убийцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.